

Шулежкова С. Г. Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания / С. Г. Шулежкова // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 173—189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189.

Shulezhkova, S. G. (2019). Russian and Bulgarian Phraseological Neologisms as Objects of Dictionary Description. *Nauchnyi dialog*, 9: 173-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189. (In Russ.).

УДК 81'374.822:81'373.43+811.161.1'374.3+811.163.2'374.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189

РУССКИЕ И БОЛГАРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК ОБЪЕКТ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ¹

© Шулежкова Светлана Григорьевна (2019), orcid.org/0000-0002-0314-6721, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова» (Магнитогорск, Россия), shulezhkova@gmail.com.

Рассматриваются вопросы, связанные с трансформацией славянских языков на рубеже XX — XXI веков. Особое внимание уделяется тенденциям обогащения болгарского и русского языков фразеологизмами. Новизна исследования видится в том, что впервые произведён сопоставительный анализ словарей, содержащих фразеологические неологизмы. Представлены результаты сравнения источников происхождения фразеологизмов, сфер их функционирования. Автор исходит из того, что обогащение фразеологии подчинено двум тенденциям — заимствованию и обновлению за счёт собственных резервов. Установлено, что заимствованные фразеологизмы представлены кальками, полукальками и единицами, сохраняющими исходный звуковой облик. Подчёркивается, что они функционируют в технической, политической, финансовой, военной, спортивной и других сферах общения. Автор останавливается на отличиях болгарских неологизмов от русских: у болгар это преимущественно связанные с народными традициями и фольклорные единицы; у русских много крылатых выражений из синтетических жанров искусства. Доказана более высокая продуктивность в русском языке таких «поставщиков» неологизмов, как международный политический дискурс, военная и жаргонная сферы, а в болгарском языке — финансово-экономическая сфера. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания русско-болгарского и болгарско-русского словарей фразеологических неологизмов.

1 Статья подготовлена в рамках научного проекта № 19-512-18005\19 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

Ключевые слова: русский язык; болгарский язык; цивилизационные перемены; глобальное информационное пространство; фразеологический неологизм; тенденции обновления; источники обогащения.

1. Введение

Цивилизационные, геополитические, социально-экономические и культурные изменения, относящиеся к «миру внешних явлений», задевая «внутренний мир» человека, не могут не отражаться на состоянии фразеологических фондов национальных языков. XX век и начало XXI века с их революциями, войнами, техническими достижениями и интеграционными процессами оставили неизгладимый след в славянских языках, что способствовало формированию «самостоятельного направления научных исследований (с его практической словарной реализацией) — неологии» [Скляревская, 2013, с. 587]. В России итогом фиксации неологизмов, инициированной Н. З. Котеловой [Котелова, 1978, с. 5—26], стали 27 лексикографических изданий, в том числе «Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов)» [СНС-1995], трёхтомный труд «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» [НСЗ-90] и «Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века» [Шагалова, 2011]. В Болгарии к наиболее значительным достижениям неографии начала XXI столетия следует отнести словари, изданные под редакцией Ем. Пернишки [РНДЗ-2001; РНД-2010]. Эта масштабная работа показала, что обновление национальных языков происходит не только за счёт лексем, но и за счёт сверхсловных языковых единиц.

Как чуткий барометр, фразеологические системы славянских языков отреагировали на «цифровой поворот» современной культуры и формирование глобального коммуникативного пространства. Человечество уже живет в мире, где, как писал в 1980 году известный японский социолог J. Masuda, «нет естественных границ, которые затруднили бы поток информации. <...> Глобальное информационное пространство стало реальностью <...> и всемирная коммуникация между людьми» происходит «над всеми государственными границами» [Masuda, p. 3—23]. Это не могло не отразиться на ускорении процессов появления новых языковых единиц, особенно тех, которые постепенно приобретают интернациональный характер.

2. История фиксации сверхсловных неологизмов в русских и болгарских словарях

Несмотря на то, что ещё в 60-е годы прошлого века было положено начало квалифицированной фиксации русских неологизмов, а в 1990—2000-

е годы и в России, и в Болгарии был опубликован цикл словарей новых слов, система описания и русских, и болгарских новых сверхсловных языковых единиц не сложилась. В русских словарях неологизмов сверхсловные единицы обычно помещаются в словарные статьи, посвящённые одному из их компонентов. Такая практика диктуется явным численным перевесом неологизмов словного характера. Так, например, лишь немногим более одного процента общего количества единиц словаря неологизмов 1960-х годов [НСЗ-60] приходится на долю «идиом» [Котелова, 1978, с. 19]. А в «Банке русских неологизмов», отражающем «инновации <...> послевоенного времени (до 1980 г. включительно)» [Котелова, 1983, с. 158—159], из 15 000 единиц «новые сочетания слов» составляют примерно 6,7 % (около 1000 единиц). Тем не менее значительная их часть прочно вошла в русскую языковую систему. Ср., например, такие выражения из «Банка русских неологизмов», как *болевая точка, волевое решение, зелёные береты, джентльмены удачи, закон подлости, искусственный интеллект, мёртвая зона, мышей не ловит, не отходя от кассы, под ключ, скинуться на троих, цепная реакция, товарный вид, тёмная лошадка, театр абсурда, шарашкина контора* [Котелова, 1983, с. 216—222].

Принцип расположения сверхсловных неологизмов в словарных статьях, посвящённых одному из их компонентов, используется в словарях неологизмов русского языка и в наши дни. Так, в предисловии к своему справочнику под названием «Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века» Е. Н. Шагалова пишет: «Устойчивые словосочетания в словарных статьях следуют сразу после заголовочного слова или даются внутри словарной статьи — после семантической разработки заголовочного слова» [Шагалова, 2011, с. 10]. Но из 1500 словарных статей этого лексикографического издания лишь некоторые содержат сведения об устойчивых словосочетаниях. В словаре их оказалось немногим более 20: *венчурный фонд* [Там же, с. 74]; *официальный дилер* [Там же, с. 105]; *холмовой долбинг, водный долбинг* [Там же, с. 114]; *социальная капча* [Там же, с. 127]; *креативное агентство* [Там же, с. 154]; *термический лифтинг* [Там же, с. 165]; *вакуумный пилинг* [Там же, с. 218]; *научный толлинг* [Там же, с. 309]; *копирайтный троллинг* [Там же, с. 322]; *пояс шахида* [Там же, с. 375]; *персональный шопинг* [Там же, с. 376] и др. В условиях «цифрового поворота» мировой культуры и формирования единого коммуникативного пространства в России и Болгарии, как и в других странах, процесс неологизации активизировался. В «Речнике на новите думи и значения в българския език» был описан корпус лексических неологизмов 1990-х годов [РНДЗ-2001]. Через девять лет тем же коллективом был подготовлен

к изданию «Речник на новите думи в българския език» [РНД-2010], куда вошли неологизмы, появившиеся после 2000-го года в различных сферах общения. Собирая материал для словаря, авторы использовали традиционный и современный корпусный лексикографические подходы. Они создали специальный электронный фонд, содержащий свыше 240 млн слов и 6700 электронных документов [РНД-2010, с. 7]. В предисловии к этому профессионально сделанному словарю авторы пишут: «За прошедшие почти 10 лет после издания Словаря новых слов и значений (2001 г.) в болгарской общественно-политической, экономической, технической, спортивной и культурной жизни стали употребляться сотни совсем новых лексических средств. Это как слова, так и сложные термины или фразеологизмы, часть из которых заимствована (главным образом из английского языка, реже — из немецкого, итальянского, арабского, японского и др.)» (здесь и далее перевод болгарских источников наш. — С. III.) [РНД-2010, с. 5]. В словарь включены неологизмы на основе словника из 35 000 единиц, использующихся в телекоммуникационной, финансово-экономической, политической, экологической, спортивной, медицинской, бытовой сферах общения. Солидная электронная база позволила авторам внести в словарные статьи более широкий набор сверхсловных неологизмов. Приведём здесь только некоторые из них: *аграрен туризм* [Там же, с. 28], *актуално изкуство* [Там же, с. 32], *алфа версия* (с. 34), *антивъзрастова медицина* (с. 37), *компютърни вируси* (с. 37), *апартаментна мафия* [Там же, с. 45], *безхартиен офис* [Там же, с. 57], *магистрална фея* [Там же, с. 254], *мобилен телефон* [Там же, с. 274], *полегнал полицаи* [Там же, с. 330], *виртуален секс* [Там же, с. 374], *път към Европа* [Там же, с. 347], *шоколадова терапия* [Там же, с. 509]. Однако как русские, так и болгарские лексикографы начала XXI столетия в своих словарях неологизмов отреагировали на глобальные цивилизационные изменения, сосредоточив внимание в основном на лексических заимствованиях из английского языка.

3. Тенденции обновления фразеологических систем

В Болгарии и России ведётся теоретическая разработка неологии: исследуются тенденции обновления славянских языков, выявляются плюсы и минусы их трансформации в новых цивилизационных условиях; ставятся вопросы о последствиях процесса интернационализации для славянских языков, о влиянии цифровых технологий и глобального коммуникативного пространства на менталитет славян.

У фразеологизмов, в силу их сверхсловной организации, при взаимодействии семантических структур двух или более компонентов могут рож-

даться новые, нестандартные значения, которые нередко аккумулируют важнейшие для носителей языка определённой эпохи представления, понятия, оценки. Именно они как «сгустки культуры» [Степанов, 2001, с. 43] могут передать приметы времени. В русском языке многие сверхсловные неологизмы рубежа XX — XXI веков стали впоследствии крылатыми выражениями. Лихие девяностые годы России отметились в русском языке девизом разочарованных россиян *Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью* [БМШ, т. 1, 2008, с. 651—652], ельцинским клятвенным заверением *лечь на рельсы, если...* [Там же, с. 568—569], путинским обещанием в адрес террористов *мочить их в сортире* [Там же, с. 636], ироническим наименованием типичного представителя новой прослойки российского общества *богатенький Буратино* [Там же, с. 109], сентенцией Черномырдина *Хотели как лучшие, а получилось как всегда* [БМШ, т. 2, 2009, с. 517—519]. И вместе с этими единицами — как кровавые, горькие следы войн в Афганистане, а затем в Чечне — обороты *ограниченный контингент, афганский синдром, кавказский синдром, чеченский синдром* [БМШ, т. 1, 2008, с. 501]; *груз 200, груз 300, чёрный тюльпан*. В словаре НСЗ-90, отражающем неологизмы 1990-х годов, можно найти немало устойчивых словесных комплексов (далее — УСК), как крылатых, так и безымянных (не имеющих «автора»): *белые береты*. ‘публ. батальон полиции, охранявший Верховный совет Латвии, бойцы этого подразделения’ [НСЗ-90, т. 1, с. 156]; *лохматить бабушку*. ‘жарг. мол. шутил. обманывать, лгать’ [Там же, т. 2, с. 562]; *не в лам кому что* ‘нетрудно, необременительно (делать что-либо)’ [Там же, т. 3, с. 551] и пр. Их лаконичный анализ выполнен В. М. Мокиенко [Мокиенко 2016, с. 509—514]. События на Украине после *оранжевой революции*, названной её лидерами *революцией достоинства*, а рядовыми участниками *Евромайданом*, отразились в русском языке появлением УСК: *киевский майдан, небесная сотня, одесская Хатынь, правый сектор, минские соглашения, нормандская четверка* и пр. Присоединение Крыма к России оставило в русском языке выражения: *вежливые люди, крымская весна* и девиз *Крым наш!* (см. об этом: [Шулежкова, 2015, 2017]). В 10-е годы XXI столетия чрезвычайно актуальными для носителей русского языка стали УСК *антироссийские санкции, санкционный список, допинговый скандал, сидеть на нефтяной игле, диванная партия, информационная война* и пр.

Судя по приведённым выше примерам, обновление фразеологических фондов болгарского и русского языков происходит не только за счёт заимствований, но и за счёт внутренних резервов (при этом реализуются фразообразовательные возможности родного языка).

Первая тенденция проявляется а) в полном или частичном калькировании иноязычных элементов языка-донора (ср. напр., *облачные вклады, кража личности, голосовой звонок, воронка продаж, учётная запись; родительский троллинг, лить трафик, отложенный постинг, поставить лайк, сделать репост*) (см. “Słownik” «цифрового поворота» мировой культуры в книге [Podręczny idiomatykon, 2017, s. 31—370]); б) в освоении языком-рецептором иноязычных УСК, сохраняющих (при известной доле адаптации) звуковой облик языка-донора (*файловый сервер, фишинг-сайт — фишинговый сайт, индекс Хириша*).

Вторая тенденция обнаруживает себя в том, что носители языка «осваивают», превращают субстандартные обороты в общеупотребительные (типа *уйти в самоволку, откинуть сандалии, сделать на халяву*). Сравнивая болгарский и русский фонд жаргонных неологизмов компьютерной тематики, болгарская исследовательница Д. Благоева замечает, что «синонимия в жаргонной компьютерной лексике представлена широко в обоих языках, но проявляется более активно в русском языке. Налицо существенная количественная межъязыковая асимметрия. Функционирующих в русском языке синонимических рядов в 4 раза больше, чем в болгарском языке» [Благоева, 2005].

Вторая тенденция также проявляет себя а) в создании средствами родного языка наименований для новых реалий (*беловежская тройка, парад суверенитетов, дело Скрипалей, гибридная война, таможенный союз, Союзное государство, болотная оппозиция, пояс нестабильности, Северный поток, Южный поток* и пр.); б) в изобретении (за счёт семантического потенциала и сочетательных возможностей известных слов) образных или оценочных сверхсловных названий для явлений, становящихся в глазах носителей языка особенно важными в данную эпоху (*демографическая яма, ипотечные каникулы, дорожная карта* и пр.); в) в пополнении языка крылатыми выражениями, отражающими этические идеалы носителей языка, их социальные и политические устремления, культурные пристрастия, желание пошутить, поиронизировать (*вежливые люди; Ребята, давайте жить дружно!; За Россию, за свободу до конца!; Не смешите мои подковы!* и пр.) И если первая тенденция вносит вклад в интернационализацию славянских языков, то вторая, не менее мощная, удерживает славянские языки в национальных рамках, не даёт им раствориться в потоке иноземных слов и выражений.

Слависты, изучая процессы обновления лексико-фразеологических систем, происходящие и в русском, и в болгарском языке, особое внимание уделяют первой тенденции. Ученых Болгарии интересует явление

интернационализации болгарского и других славянских языков за счёт заимствований. Т. Бояджиев, задаваясь вопросом о том, можно ли считать заимствования средством обогащения или они ведут к утрате болгарским языком национального своеобразия, пишет: «Когда имеются в виду лексические связи болгарского языка с другими языками и пути проникновения в него иноязычных элементов, можно говорить, что с 10 века он начал балканизироваться, а затем в период рабства с освоением многочисленных турецких слов отуречился. В период Возрождения и последовавшего Освобождения турецкие слова замещаются “домашними”, церковнославянскими и русскими, т. е. он реславянизировался и интеллектуализировался. В настоящее время в связи с большим количеством неологизмов и синтаксическим беспорядком говорят, что новоболгарский язык и наша культура американизируются» [Бояджиев, 2005, с. 5]. И далее учёный даёт вполне определённый ответ на поставленные вопросы: «Утверждать, что современный болгарский язык беднеет, тревожно оценивать современную языковую ситуацию как “языковой хаос”, “катастрофу” и “упадок”, — значит клеветать и поднимать ненужный шум. Ни с точки зрения социолингвистической, ни с социально-психологической и формальной нет основания говорить об обеднении языка, у которого есть социальная основа» [Там же, с. 7].

Аналогичной точки зрения придерживаются С. Колковска в работе «Тенденциите към интернационализация в новата българска икономическа терминология» [Колковска, 2006], Д. Леснеева в исследовании «Особенности на новата българска политическа терминология» [Леснеева, 2006], Ем. Пернишка, занимавшаяся проблемой интернационализации болгарского языка и сохранения им национальной идентичности [Пернишка, 2006], а также российский болгарист И. Платонова [Платонова, 2016].

Неоднозначно относятся к массовым заимствованиям-неологизмам российские исследователи. В 1995 году крупнейший лексикограф Л. П. Крысин, автор целого ряда словарей иностранных слов, в очередной раз поднимает вопрос о «поглощении» русским языком множества неологизмов. Он называет 4 причины заимствований: потребность в наименовании новой вещи или понятия; необходимость разграничения содержательно близких, но всё же различающихся понятий; необходимость специализации понятий как одного из путей формирования специальных терминологий; наличие в языке сложившихся систем терминов, обслуживающих ту или иную область [Крысин 1995, с. 34—39]. В 1996 году в журнале «Русский язык за рубежом» другой известный российский учёный, В. Г. Костомаров, с тревогой пишет о неумеренном употреблении новых

иноязычных слов в статье «Русский язык в иноязычном потоке». Правда, он замечает: «Надежду вселяет лишь историческая аналогия: не менее обильный иноязычный потоп XVIII века русский язык пережил и даже с пользой для себя. Отличие же того потопа от нынешнего лишь в том, что был он французский, а сейчас — англо-американский» [Костомаров, 1996, с. 88]. В 2002 году Л. П. Крысин, указав на то, что «внешнее влияние на язык почти никогда не оставляет общество равнодушным и нередко воспринимается носителями языка-реципиента <...> болезненно и нервно», всё же признаёт, что в России настали времена, «когда преобладает более терпимое отношение <...> к заимствованию новых иноязычных слов», потому что «возникли такие политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики» [Крысин, 2002, с. 27]. Крысин называет условия, способствующие формированию положительного отношения россиян к заимствованиям: «осознание значительной частью населения России своей страны как части цивилизованного мира; преобладание в идеологии и официальной пропаганде объединительных тенденций над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества и советского образа жизни западным, буржуазным образцам; переоценка социальных и нравственных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства, в сферах культуры, спорта, торговли, музыки и др.» [Там же].

4. Проблема создания специальных словарей фразеологических неологизмов

Сверхсловные неологизмы не нашли адекватного отражения ни в русских, ни в болгарских лексикографических собраниях новых слов начала XXI столетия. Так, в «Самом новейшем словаре русского языка начала XXI века» [Шагалова, 2012] сверхсловные единицы заняли всего 0,13 %, и среди них не оказалось ни одного устойчивого словосочетания, возникшего в русском языке на национальной основе. Не так часто можно встретить и в [РНД 2010] обороты типа *момиче на повикане* [Там же, с. 283]; *червен барон, черен списък, черна книга* [Там же, с. 503]; *черешка върху (на) тортата* [Там же, с. 503], возникшие на собственно болгарской национальной основе.

В настоящее время перед славистами стоит проблема создания специальных словарей фразеологических неологизмов рубежа XX — начала

XXI веков. Единственному словарю новых русских фразеологизмов, имеющему отношение к интересующей нас эпохе, скоро исполнится 17 лет. Его автор в книге «Новая русская фразеология» В. М. Мокиенко описал около 4000 сверхсловных неологизмов русского языка и охарактеризовал основные источники их возникновения. В словаре доминируют англицизмы американского происхождения и УСК субстандартных разновидностей русского языка, например: *зелёные береты* ‘нов. публ. специальные части и подразделения в вооружённых силах США, предназначенные для проведения диверсионных операций в других странах’ [Мокиенко, 2003, с. 7]; *посылать / послать на аск* ‘жарг. хиппи. отправлять на сбор милостыни, попрошайничество’ [Там же, с. 3]; *бабки горячие* ‘жарг. деньги, заработанные проституцией’ [Там же, с. 4]. Мокиенко пишет, что эти новые фразеологизмы функционируют (у восточных славян) на фоне библеизмов и иронической «перелицовки» советизмов, например: *четвертый исход* ‘нов. книжн. или публ. высок. то же, что *четвертая волна эмиграции* ‘массовая эмиграция из СССР в период перестройки (конец 80-х — начало 90-х годов)’ [Там же, с. 38, 16]; *Сзади пионерка, спереди пенсионерка*. ‘прост. шутил.-ирон. о женщине в возрасте с некрасивым лицом, но стройной фигурой’ [Там же, с. 73] и пр.

Что же касается фразеологических неологизмов рубежа XX—XXI веков, отражающих национальное своеобразие болгарского языка, они с лингвокультурологических позиций описывались профессором Пловдивского университета С. Георгиевой в целом цикле статей (см. [Георгиева, 2008; 2011а; 2011б] и др.). Приведём лишь некоторые из тех болгарских фразеологизмов-неологизмов, что были использованы в совместном докладе С. Георгиевой и С. Г. Шулежковой на 12-м Международном симпозиуме «Русистика в современном мире» в Великом Търново: *вятровато място* ‘нестабильное положение’, *оранжево училище* ‘учебное заведение, занятия в котором проводятся осенью’, *бяла държава* ‘государство с хорошо организованной жизнью’, *броени дни* ‘короткий период’, *желти стотинки* ‘дешево’, (не слагам) *каруцата пред коня* — ‘действовать по правилам’, *працам на кино* ‘обманывать’, *челен сблъсък* — ‘друг против друга’ и пр. Эти единицы обладают особой коннотацией, отражают характерные приметы своего времени, «кодируют» своей номинацией моменты появления всего нового в жизни носителей языка [Георгиева и др., 2018].

Составители современных фразеологических справочников включают неологизмы осторожно, «точно», часто без должной «привязки» ко времени и обстоятельствам их возникновения, не отвечая в должной мере на потребности носителей славянских языков. Таков, например, «Совре-

менный фразеологический словарь русского языка», где среди 1600 описанных единиц встречаются и некоторые неологизмы (*боевое крещение, гнать волну, головная боль, горячая точка, разбор полётов* и пр.) [Жуков и др., 2009, с. 47, 92, 93, 96, 328]. Не ставили перед собой задачи системно отразить фразеологизмы-неологизмы составители «Большого фразеологического словаря русского языка», вышедшего под редакцией известного фразеолога В. Н. Телия [БФС, 2006], а также «Фразеологического объяснительного словаря русского языка», выполненного под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [ФОСРЯ, 2009]. В такой ситуации одной из важнейших проблем современной славистики следует признать удовлетворение потребности родственных народов в двуязычных словарях фразеологических неологизмов. Нельзя сказать, что подобных словарей не существует вообще. В докладе, подготовленном к XVI съезду славистов, болгарская исследовательница Д. Благоева говорит о жанровом разнообразии неографических изданий начала XXI столетия: «Помимо толковых словарей новых слов, создаются двуязычные словари неологизмов (славянско-славянские или с исходным славянским языком: русско-чешские, белорусско-русские, польско-немецкие, русско-немецкие), обратные словообразовательные словари неологизмов (русского языка), авторские словари (русские, украинские), переводные словари авторских неологизмов (украинского языка) и пр.)» [Благоева, 2017, с. 15].

Однако на рубеже XX — XXI веков не появилось ни одного русско-болгарского или болгарско-русского словаря фразеологических неологизмов. Во всяком случае, ни в монографии «Русско-болгарская лексикография: традиции и тенденции развития» А. Липовской, ни в статье профессора М. Чоролеевой «История и современное состояние болгарской лексикографии» вообще не упоминается о подобного типа лексикографических трудах [Благоева, 2017; Липовска, 2009; Чоролеева, 2013, с. 85—90], хотя принципы создания двуязычных славистических словарей сверхсловных языковых единиц уже разрабатывались и определенные успехи в этой сфере достигнуты (см., напр., [Chlebda, 2001, 2018; Walter, 2003; Walter et al., 2013]).

В Болгарии проблема системного сопоставительного изучения болгарских и русских фразеологических неологизмов последних трёх десятилетий инициирована профессором Пловдивского университета имени Паисия Хилендарского С. Георгиевой. Ей принадлежит цикл статей, в которых новые болгарские и русские сверхсловные языковые единицы, обладающие образной семантикой, подвергаются лингвокультурологическому сопоставительному анализу (см., напр., [Георгиева 2011а, 2011б]).

5. Заключение

Сверхсловные неологизмы передают живую реакцию носителей родственных языков — болгар и русских — на глобальные изменения в цивилизационных реалиях рубежа XX—XXI веков, вызванные, по словам известного польского фразеолога, «цифровым поворотом» мировой культуры [Chlebeda, 2017, с. 9]. Русско-болгарский и болгарско-русский словарь фразеологических неологизмов призван описать эту реакцию сквозь фразеологическую призму с учётом достижений современной лингвистики. Пласты русских и болгарских фразеологических неологизмов неоднородны. В словаре должны быть описаны 1) единицы, имеющие однотипную структуру, близкие по своей семантике, которые восходят к одному и тому же источнику (ср. русск. *кровавая баня* и болг. *кървава баня*; русск. *чёрный список* и болг. *черен списък*); 2) общие для обоих языков заимствования, функционирующие либо в форме, характерной для языка-донора, либо в форме калек и полукалек, различающихся своими значениями (напр., русск. *белое братство* ‘новое космическое объединение’ и болг. *бяло братство* ‘сторонники учения П. Дынова’; русск. *чёрная дыра* ‘астрономическое явление’ и болг. *черна дупка (в главата)* ‘депрессия’); 3) неологизмы, рождённые на национальной почве и не имеющие аналогов в языке, с которым ведётся сравнение (ср., напр., болг. *дървена ваканция* ‘непредусмотренные каникулы из-за холодной погоды и невозможности топить’; *държа някого на нокти* ‘держат кого-либо в напряжении’ и русск. *гнать пургу* ‘нести чушь’; *проверять на вишивость* ‘испытывать на честность’) и т. д. [Георгиева и др., 2018]. В одних случаях носители подвергаются влиянию «ложного друга переводчика», а в других взаимному пониманию мешает либо недостаточная осведомлённость коммуникантов в тонкостях специфических культурных традиций адресата, либо отсутствие знаний об обстоятельствах появления заимствованной сверхсловной единицы в языке-доноре. И именно нормативный двуязычный толковый словарь может стать надёжным справочным пособием для носителей болгарского и русского языков в подобных ситуациях. Проспект такого словаря находится в состоянии разработки. Есть надежда на то, что многочисленные сложности, с которыми столкнулась инициативная группа лексикографов, будут преодолены, и словарь станет доступным для педагогов, журналистов и для всех тех, кто заинтересован в русско-болгарских контактах.

Источники и принятые сокращения

1. БМШ — Берков В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 единиц : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова ; под

редакцией С. Г. Шулежковой. — Магнитогорск : Магнитогорский государственный университет : Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität. — Т. 1. А—М. — 2008. — 658 с. ; Т. 2. Н—Я. — 2009. — 737 с.

2. БФС — *Большой фразеологический словарь русского языка* / ответственный редактор В. Н. Телия. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — 784 с.

3. *Мокиенко В. М. Новая русская фразеология* / В. М. Мокиенко ; red. K. Gajdowa. — Opole : Un-t Opolski — In-t filologii polskiej, 2003. — 168 s.

4. НСЗ-60 — *Новые слова и значения : словарь-справочник (по материалам прессы и литературы 60-х годов)* / под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. — Москва : Институт русского языка АН СССР, 1971. — 543 с.

5. НСЗ-90 — *Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века* / под редакцией Т. Н. Буцевой (ответственный редактор) и Е. А. Левашова : в 3 т. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009—2014. — Т. 1. — 813 с. ; Т. 2. — 1392 с. ; Т. 3. — 1360 с.

6. РНДЗ-2001 — *Речник на новите думи и значения в българския език* / Е. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. — София : Наука и изкуство, 2001. — 309 с.

7. РНД-2010 — *Речник на новите думи и значения в българския език (от края на XX и първото на десетилетие на XXI в.)* / Е. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. — София : Наука и изкуство, 2010. — 516 с.

8. СНС-1995 — *Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов)* / под редакцией Н. З. Котеловой. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. — 276 с.

9. ФОСРЯ — *Фразеологический объяснительный словарь русского языка* / А. Н. Баранов, М. М. Вознесенская, Д. О. Добровольский и др. ; под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. — Москва : Эксмо, 2009. — 704 с.

10. *Шагалова Е. Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века / Е. Н. Шагалова. — Москва : Астрель, 2011. — 413 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Благоева Д.* Проблеми на славянската тълковна неография / Д. Благоева // Лексикология и лексикография славянских языков : международный коллективный труд / ответственный редактор М. И. Чернышёва. — Москва : ЛЕКСРУС, 2017. — С. 15—37.

2. *Благоева Д.* Синонимия в компютърно жаргонно русско и българско языков [Электронный ресурс] / Д. Благоева // Електронно списание LiterNet. — 2005. — № 1 (62). — Режим доступа : https://litenet.bg/publish13/d_blagoeva/sinonimija.htm.

3. *Бояджиев Т.* Националният език в условията на чуждо влияние и глобализация / Т. Бояджиев // Български език. — 2005. — Кн. 4. — С. 5—15.

4. *Георгиева С.* За характера на фразеологичните неологизми в българския език // Езиковедски изследвания. В чест на проф. Сийка Спасова-Михайлова / С. Георгиева. — София : Проф. Марин Дринов, 2011а. — С. 163—170.

5. *Георгиева С.* Межкултурно взаимопонимание : к проблеме лексикографической обработки фразеологических инноваций / С. Георгиева // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2011б. — № 3 (33). — С. 111—115.

6. *Георгиева С.* Новая фразеология в новой Европе / С. Георгиева, С. Г. Шулежкова // Двенадцатый международный симпозиум «Русистика в современном мире»

(В. Тырново, 12—14 октября 2018 г.) : доклады участников симпозиума. — В. Тырново, 2018 (в печати).

7. Жуков А. В. Современный фразеологический словарь русского языка / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. — Москва : АСТ : Астрель, 2009. — 443 с.

8. Колковска С. Тенденциите към интернационализация в новата българска икономическа терминология / С. Колковска // Националният език в условията на чужди влияния и глобализация. — София : Българска АН, 2006. — С. 190—112.

9. Костомаров В. Г. Русский язык в иноязычном потоке / В. Г. Костомаров // Русский язык за рубежом. — 1995. — № 2. — С. 18—24.

10. Котелова Н. З. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Предисловие / Н.З. Котелова // Избранные труды. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. — С. 222—239.

11. Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н. З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. — Ленинград : Наука, 1978. — С. 3—28.

12. Котелова Н. З. Банк русских неологизмов / Н. З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. — Ленинград : Наука, 1983. — С. 158—222.

13. Крысин Л. П. Языковое заимствование : взаимодействие внутренних и внешних факторов (на материале русского языка современности) / Л. П. Крысин // Русистика сегодня. — 1995. — № 1. — С. 34—39.

14. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. — 2002. — № 6. — С. 27—39.

15. Леснеева Д. Особенности на новата българска политическа терминология / Д. Леснеева // Националният език в условията на чужди влияния и глобализация. — София : Българска АН, 2006. — С. 238—243.

16. Литовска А. Русско-българска лексикография : традиции и тенденции развития / А. Литовска. — София : Св. Климент Охридски, 2009. — 214 с.

17. Мокиенко В. М. Русские лихие девяностые в лексикографическом зеркале / В. М. Мокиенко // Лексикографията в началото на XXI в. : доклади от Седмата международна конференция по лексикография и лексикология (София, 15—16 октомври 2015 г.) ; составители Д. Благоева, С. Колковска. — София : Българска АН, 2016. — С. 498—515.

18. Пернишка Е. Тенденции за интернационализация и за запазване на националната идентичност на българската лексика от битовата концептосфера (в период 1990—2004) / Е. Пернишка // Националният език в условията на чужди влияния и глобализация / Е. Пернишка. — София : Българска АН, 2006. — С. 148—160.

19. Платонова И. За процесите на адаптация и интеграция на новите англицизми (и интернационализми с английски произход) в българския език / И. Платонова // Лексикографията в началото на XXI в. : доклади от Седмата междунар. конф. (София, 15—16 октомври 2015 г.) ; составители Д. Благоева, С. Колковска. — София : Българска АН, 2016. — С. 61—468.

20. Складаревская Г. Н. Современная русская лексикография : достижения и лакуны / Г. Н. Складаревская // Славянская лексикография : международная коллективная монография / ответственный редактор М. И. Чернышева. — Москва : Азбуковник, 2013. — С. 579—612.

21. Степанов С. Ю. Концепт / С. Ю. Степанов // Константы : словарь русской культуры. — Москва : Академический проект, 2001. — С. 42—67.

22. *Чоролеева М.* История и современное состояние болгарской лексикографии / М. Чоролеева // Славянская лексикография : международная коллективная монография / ответственный редактор М. И. Чернышева. — Москва : Азбуковник, 2013. — С. 21—60.
23. *Шулежкова С. Г.* Образ России на фоне цветных революций и крымской весны в информационной войне начала XXI в. / С. Г. Шулежкова // Образ России в условиях информационной войны конца XX — начала XXI в. : материалы международной конференции (Магнитогорск, 23—25 ноября 2017 г.). — Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, 2017. — С. 254—266.
24. *Шулежкова С. Г.* Отражение оранжевой революции и гражданской войны на Украине в российских СМИ (концепты «Революция» и «Война») / С. Г. Шулежкова // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : коллективная монография. — Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати : Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2015. — С. 174—199.
25. *Masuda Y.* The Information Society as Post-industrial Society / Y. Masuda. — Tokyo, IIS, Washington D., 1980. — 165 p.
26. *Chlebda W.* Słownikowy opis zwrotu cyfrowego. Podejście pierwsze / W. Chlebda // Podręczny idiomatikon polsko-rosyjski / pod red. W. Chlebdy. — Opole : Wydawnictwo Un-tu Opolskiego, 2017. — Zeszyt 9. — S. 9—28.
27. *Podręczny igiomatykon polsko-rosyjski* / pod red. W. Chlebdy. Zeszyt 9. — Opole : Uniwersytet Opolski, 2017. — Zeszyt 9. — 377 s.
28. *Walter H.* Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslanges / red. V. M. Mokienko. — Frankfurt am Main : PETER LANG (Europäischen Verlag der Wissenschaften), 2003. — 202 S.
29. *Walter H.* Russisch-deutsch-polnisches Wörterbuch (mit fremdsprachigen Äquivalenten und historisch-kulturellen Kommentaren) / H. Walter, V. Mokienko, E. Komorowska, K. Kusal. — Greifswal : Szczecin, 2014. — 433 S.

RUSSIAN AND BULGARIAN PHRASEOLOGICAL NEOLOGISMS AS OBJECTS OF DICTIONARY DESCRIPTION¹

© **Svetlana G. Shulezhkova (2019)**, orcid.org/0000-0002-0314-6721, Doctor of Philology, professor, Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia), shulezhkova@gmail.com.

The issues related to the transformation of Slavic languages at the turn of the 20th — 21st centuries are considered. Special attention is paid to the tendencies of enrichment of Bulgarian and Russian languages with phraseological units. The novelty of the study is seen in the fact that for the first time a comparative analysis of dictionaries containing phraseological neologisms is made. The results of a comparison of the sources of phraseological units and their areas of functioning are presented. The author proceeds from the fact that the enrichment of phraseology is subject

¹ The article is the part of the scientific project № 19-512-18005\19 “New phraseology in new Europe: Russian and Bulgarian superword neologisms in the modern communication space”. The project is supported by RFBR and National Science Foundation of Bulgaria.

to two trends — borrowing and updating at the expense of its own reserves. It is established that borrowed phraseological units are represented by calques, semi-calques and units that preserve the original sound appearance. It is emphasized that they function in technical, political, financial, military, sport and other spheres of communication. The author dwells on the differences between Bulgarian and Russian neologisms: Bulgarians have mainly folk and folklore units; Russians have many expressions from synthetic genres of art. The higher productivity of such "suppliers" of neologisms as international political discourse, military and slang spheres in the Russian language, and financial and economic sphere in the Bulgarian language is proved. The relevance of the study is proved by the need to create the Russian-Bulgarian and Bulgarian-Russian dictionaries of phraseological neologisms.

Key words: Russian language; Bulgarian language; civilizational changes; global information space; phraseological neologism; trends of renewal; sources of enrichment.

MATERIAL RESOURCES

- BFS — Teliya, V. N. (ed.) (2006). *Bolshoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: AST-PRESS KNIGA. (In Russ.).
- BMSH — Berkov V. P., Mokiyenko, V. M., Shulezhkova, S. G. (2008, 2009). *Bolshoy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy russkogo yazyka: ok. 5000 yedinit: v 2 t., 1, 2*. Magnitogorsk: Magnitogorskiy gosudarstvennyy universitet; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität. (In Russ.).
- CNS-1995 — Kotelova, Z. N. (ed.) (1995). *Slovar' novykh slov russkogo yazyka (seredina 50-kh — seredina 80-kh godov)*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
- FOSRYa — Baranov, A. N., Voznesenskaya, M. M., Dobrovolskiy, D. O. [i dr.]. (2009). *Frazeologicheskiy obyasnitelnyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).
- Mokiyenko, V. M. (2003). *Novaya russkaya frazeologiya*. Opole: Un-t Opolski — In-t filologii polskiej. (In Russ.).
- NSZ-60 — Kotelova, Z. N., Sorokin, Yu. S. (eds.) (1971). *Novyye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik (po materialam pressy i literatury 60-kh godov)*. Moskva: Institut russkogo yazyka AN SSSR. (In Russ.).
- NSZ-90 — Butseva, T. N., Levashov, E. A. (eds.) (2009—2014.). *Novyye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
- RNDZ-2001 — Pernishka, E., Blagoyeva, D., Kolkovska, S. (2001). *Rechnik na novite dumi i znacheniya v blgarskiya ezik*. Sofiya: Nauka i izkustvo. (In Bolgar.).
- RND-2010 — Pernishka, E., Blagoyeva, D., Kolkovska, S. (2010). *Rechnik na novite dumi i znacheniya v blgarskiya ezik (ot kraya na XX i prvoto na desetiletiye na XXI v.)*. Sofiya: Nauka i izkustvo. (In Bolgar.).
- Shagalova, E. N. (2011). *Samyy noveyshiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka XXI veka*. Moskva: Astrel. (In Russ.).

REFERENCES

- Blagoyeva, D. (2005). Sinonimiya v kompyuternom zhargone russkogo i bolgarskogo yazykov. *Elektronno spisaniye LiterNet, 1* (62): Available at: https://litenet.bg/publish13/d_blagoeva/sinonimija.htm. (In Russ.).
- Blagoyeva, D. (2017). Problemi na slavyanskata tlkovna neografiya. In: *Leksikologiya i leksikografiya slavyanskikh yazykov: mezhdunarodnyy kolektivnyy trud*. Moskva: LEKSURUS. 15—37. (In Bolgar.).

- Boyadzhiev, T. (2005). Natsionalniyat ezik v usloviyata na chuzhdo vliyaniye i globalizatsiya. *Blgarski ezik*, 4: 5—15. (In Bolgar.).
- Georgiyeva, S. (2011). Za kharaktera na frazeologichnite neologizmi v blgarskiya ezik. In: *Ezikovedski izsledvaniya v chest' na prof. Siyka Spasova-Mikhaylova*. Sofiya: Prof. Marin Drinov. 163—170. (In Bolgar.).
- Georgiyeva, S. (2011). Mezhekulturnoye vzaimoponimaniye: k probleme leksikograficheskoy obrabotki frazeologicheskikh innovatsiy. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 3 (33): 111—115. (In Russ.).
- Georgiyeva, S., Shulezhkova, S. G. (2018). Novaya frazeologiya v novoy Evrope. In: *Dvenadtsatyy mezhdunarodnyy simpozium «Rusistika v sovremennom mire» (V. Tyrnovo, 12—14 oktyabrya 2018 g.): doklady uchastnikov simpoziuma*. V. Tyrnovo, (v pechati). (In Russ.).
- Chlebda, W. (2017). *Słownikowy opis zwrotu cyfrowego. Podejście pierwsze. Podręczny idiomatikon polsko-rosyjski*, 9. Opole: Wydawnictwo Un-tu Opolskiego. 9—28. (In Polsk.).
- Choroleyeva, M. (2013). Istoriya i sovremennoye sostoyaniye bolgarskoy leksikografii. In: *Slavyanskaya leksikografiya*. Moskva: Azbukovnik. 21—60. (In Russ.).
- Kolkovska, S. (2006). Tendentsiite km internatsionalizatsiya v novata blgarska ikonomicheska terminologiya. In: *Natsionalniyat ezik v usloviyata na chuzhdi vliyaniya i globalizatsiya*. Sofiya: Blgarska AN. 190—112. (In Russ.).
- Kostomarov, V. G. (1995). Russkiy yazyk v inoyazychnom potope. *Russkiy yazyk za ru-bezhom*, 2: 18—24. (In Russ.).
- Kotelova, N. Z. (1978). Pervyy opyt leksikograficheskogo opisaniya russkikh neologizmov. In: *Novyye slova i slovari novykh slov*. Leningrad: Nauka. 3—28. (In Russ.).
- Kotelova, N. Z. (1983). Bank russkikh neologizmov. In: *Novyye slova i slovari novykh slov*. Leningrad: Nauka. 158—222. (In Russ.).
- Kotelova, N. Z. (2015). Novyye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-kh godov. Predisloviye. In: *Izbrannyye trudy*. Sankt-Peterburg: Nestor-Itoriya. 222—239. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (1995). Yazykovoye zaimstvovaniye: vzaimodeystviye vnutrennikh i vneshnikh faktorov (na materiale russkogo yazyka sovremennosti). *Rusistika segodnya*, 1: 34—39. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (2002). Leksicheskoye zaimstvovaniye i kalkirovaniye v russkom yazyke posled-nikh desyatiletiy. *Voprosy yazykoznaniya*, 6: 27—39. (In Russ.).
- Lesneyeva, D. (2006). Osobennosti na novata blgarska politicheska terminologiya. In: *Natsionalniyat ezik v usloviyata na chuzhdi vliyaniya i globalizatsiya*. Sofiya: Blgarska AN. 238—243. (In Bolgar.).
- Lipovska, A. (2009). *Russko-bolgarsaya leksikografiya: traditsii i tendentsii razvitiya*. Sofiya: Sv. Kliment Okhridski. (In Russ.).
- Masuda, Y. (1980). *The Information Society as Post-industrial Society*. Tokyo, IIS, Washington D.
- Mokiyenko, V. M. (2016). Russkiye likhiye devyanostyye v leksikograficheskoy zerkale. In: *Leksikografiyata v nachaloto na XXI v.: dokladi ot Sedmata mezhdunarodna kon-ferentsiya po leksikografiya i leksikologiya (Sofiya, 15—16 oktomvri 2015 g.)*. Sofiya: Blgarska AN. 498—515. (In Russ.).
- Pernishka, E. (2006). Tendentsii za internatsionalizatsiya i za zapazvanena na tsionalnata iden-tichnost na blgarskata leksika ot bitovata kontseptosfera (v period 1990—2004).

- In: *Natsionalniyat ezik v usloviyata na chuzhdi vliyaniya i globalizatsiya*. Sofiya: Blgarska AN. 148—160. (In Bolgar.).
- Platonova, I. (2016). Za protsesite na adaptatsiya i integratsiya na novite anglitsizmi (i internatsionalizmi s angliyski proiskhod) v blgarskiya ezik. In: *Leksikografiyata v nachaloto na XXI v.: dokladi ot Sedmata mezhdunar. konf. (Sofiya, 15—16 oktomvri 2015 g.)*. Sofiya: Blgarska AN. 61—468. (In Bolgar.).
- Podręczny igiomatykon polsko-rosujski*, 9. (2017). Opole: Uniwersytet Opolski. (In Polsk.).
- Shulezhkova, S. G. (2015). Otrazheniye oranzhevoy revolyutsii i grazhdanskoy voyny na Ukraine v rossiyskikh SMI (kontsepty «Revolyutsiya» i «Voyna»). In: *Publitsisticheskiy arsenal obshchestvennykh dvizheniy Rossii i Germanii: kolektivnaya monografiya*. Magnitogorsk: Magnitogorskiy Dom pechati: Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität. 174—199. (In Russ.).
- Shulezhkova, S. G. (2017). Obraz Rossii na fone tsvetnykh revolyutsiy i krymskoy vesny v informatsionnoy voyne nachala XXI v. In: *Obraz Rossii v usloviyakh informatsionnoy voyny kontsa XX — nachala XXI v.: materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Magnitogorsk, 23—25 noyabrya 2017 g.)*. Magnitogorsk: Magnitogorskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet imeni G. I. Nosova. 254—266. (In Russ.).
- Sklyarevskaya, G. N. (2013). Sovremennaya russkaya leksikografiya: dostizheniya i lakuny. In: *Slavyanskaya leksikografiya*. Moskva: Azbukovnik. 579—612. (In Russ.).
- Stepanov, S. Yu. (2001). Kontsept. In: *Konstanty: slovar' russkoy kultury*. Moskva: Akademicheskiy proekt. 42—67. (In Russ.).
- Walter, H. (2003). *Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenjargons*. Frankfurt am Main: PETER LANG (Europäischen Verlag der Wissenschaften). (In Germ.).
- Walter, H., Mokiienko, V., Komorowska, E., Kusal, K. (2014). *Russisch-deutsch-polnisches Wörterbuch (mit fremdsprachigen Äquivalenten und historisch-kulturellen Kommentaren)*. Greifswal: Szczecin. (In Germ.).
- Zhukov, A. V, Zhukova, M. E. (2009). *Sovremennyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: AST: Astrel. (In Russ.).